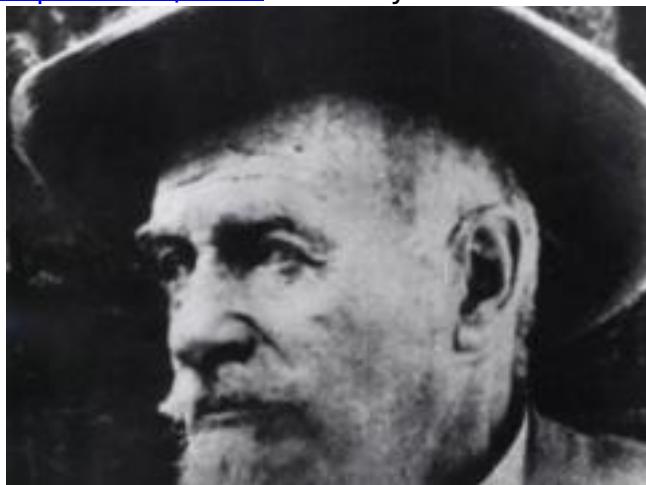

Заветные строки Андрея Бобенко

[Сергей ЛУЦЕНКО](#) - 12 августа 2017

Body

Старое, старое кладбище, самая окраина Павловска. Под тихими улочками и переулками – могилы предков. Что же осталось на виду, что сохранилось от былой жизни? Несколько чудом уцелевших на пустыре захоронений. Самое бросающееся в глаза – революционера-подпольщика Павла Бацаева, ушедшего в мир иной ещё в 1910 году. Чувствуя под ногами незримые могилы, осторожно брожу между берёз и тополей. Грустно всматриваюсь с холма в окрестные заречные и луговые дали.

Много загадочного, будоражащего душу нашёптывает мне память. Но сегодня всё вытесняет одна картина. Перед глазами – 20-й год 20-го столетия. Весна одевает мир нежной зеленью. Благоухают сирени. Божья коровка красной искоркой маячит на былинке. Жизнь пробуждается повсеместно. Жить и жить бы, да кому-то уже не дано. В кладбищенские ворота медленно входит траурная процессия. Хотя, наверное, это очень громко – процессия. Всего-то несколько человек. Остановились у готовой могилы, по привычке перекрестились. Долгие рыдания жены. Последние поцелуи. Гроб медленно опускается в глухую глубину...

Так в мае 1920-го павловская земля приняла прах известного украинского писателя, педагога Андрея Михайловича Бобенко (Бибика). Похоронили – и позабыли. А вернее, и не знали в Павловске Андрея Михайловича, как следует. Да мало ли бросало в те годы поэтов во все стороны света? Мало ли сгнуло их? Даже – классиков...

Похоронили – и забыли. Стёрлись буквы, развалилось надгробие. А может, и не было никакого мраморного памятника, и над невысокой насыпью поднимался простой деревянный крест. Точили его вьюги и дожди, жгла жара. Наконец, он пошатнулся... Неумолимое время стёрло Андрея Бобенко из памяти павловчан. Лишь иногда вспыхивали бледные зарницы. Раз в несколько десятилетий...

А вот на Украине поэта Бобенко чтили и чтят. Не должны забывать его и мы – хотя бы потому, что последние дни его прошли на воронежской земле.

Почему же, который раз спрашиваю себя, именно Павловск? Что на склоне лет привело его сюда? По логике событий, из голодной, расхристанной революционными вихрями

Одессы Андрей Михайлович Бобенко подался в провинциальный Павловск, надеясь отыскать сносное пристанище, хотя бы временное и относительно тихое. Наверняка, сманили его друзья-знакомые, а может, и родственники. Плюс, и немалый – близость рідної ненькі України: каких-то семь-восемь десятков верст, если напрямую, через Дон. Но не довелось поэту прижиться в Павловске. Что же привело к трагическому финалу? Сказались многочисленные потрясения? Подкосила повальная болезнь? К примеру, тот же тиф, бушующий в те годы в Павловске, унёс не один десяток жизней.

Мало довелось пожить Андрею Михайловичу в Павловске. Год, полтора максимум... А вообще-то, если вдуматься, разве – мало? За год можно не торопясь обойти все улицы и переулки невеликого степного городка, постоять у Дона, всматриваясь за меловую гряду. Можно написать хорошие стихи. Ведь именно здесь написалось, выдохнулось его итоговое, заветное: «Лишь в свете правда, в правде свет»... Можно ещё раз, не торопясь пересмотреть, перебрать по крупице всю свою нелёгкую, всю свою трудовую жизнь – такую, кажется, долгую и такую мгновенную...

В первую очередь вспоминалось ему, конечно, сельцо Добренька Константиноградского повета Полтавской губернии (ныне – это Красноградский район Харьковской области), где **12 августа 1854** года его глаза впервые увидели этот мир. Вспоминалась малая речка Добренька, так манившая к себе в летние полдни, и поля, где трудолюбивые поселяне из года в год бросали семена пшеницы и ржи, тютюна и конопли. Вспоминался и пленительный свет знаний, блеснувший в сельской школе. Но – с самого раннего детства закружила Андрея невеселая доля. Ему едва исполнилось шесть, когда в мир иной ушла мама. Сердитая мачеха появилась в хате – и для мальчонки наступили окаянные времена. В стихотворении «Было» с горечью вспоминает он и каждодневные попреки, и сыпавшиеся щедрой рукой затрещины и оплеухи, от которых приходилось уносить ноги куда подальше:

*Раз маленьким я убежал,
Побитый мачехой сердитой.
По полю мокрому блуждал
И от грозы скрывался в жите.*

Наконец, сделалось и вовсе невоготу, и десятилетнего хлопчика отец за двадцать карбованцев на четыре года отдал в наймы к лавочнику-крамарю. И потянулись глухие дни...

*Я вырос в наймах – и не знал
Тепла родительского дома,
И даром хлеба не давал,
Ребенку малому, никто мне.*

Четыре года, да еще три пытала душу безрадостная, беспросветная жизнь. И вот возмужавший Андрей решил – в одно знаменательное утро, собрав нехитрые пожитки, пешим ходом отправился в Херсон, а оттуда, уже по морю, – в Одессу. И здесь ему вдруг повезло – на его пути повстречался равнодушный человек. Молодой кочегар попался на глаза капитану парохода Л.И. Гаврилову. Одарённый юноша, тосковавший вдали от родного берега и пытавшийся слагать стихи на украинской мове, приглянулся «морскому волку». Гаврилов, сам равнодушный к художественному слову, знакомит его с педагогом Л.А. Смоленским и другими видными деятелями Одесской громады, – литературно-политического общества одесской интеллигенции, основными задачами которого было сбережение и развитие украинского слова, и шире – возрождение самосознания украинского народа. Чрезвычайно тщательно проходило принятие в члены громады. Требовались рекомендации двух членов, затем новая кандидатура «оглашалась» не менее чем на двух собраниях, и лишь при отсутствии сомнений и противоречий на третьем заседании назначалось «тайное и неотменное» голосование. От

новообращённого требовались, как минимум, высокое моральное самосознание, стойкость национально-демократических убеждений, способность приносить пользу делу украинского возрождения. Заседания проходили бурно: обсуждались не только организационные вопросы, но и поднимались социально-политические проблемы. Нередко отмечались годовщины Тараса Шевченко. Мероприятия, посвященные памяти великого Кобзаря, выходили далеко за пределы Громады. Так, в 1879 году собрались около десяти тысяч человек, весьма обеспокоившие власти. В печати появлялись статьи Е.И. Борисова, Д.М. Овсяннико-Куликовского, книги Ф.О. Щербины... Одесские громадывцы материально и морально поднимали украинскую трудовую молодежь. Многие сделали они и для Андрея Бибики, взявшего в начале 80-х годов литературный псевдоним «Бобенко». С их помощью он сдал испытания на звание учителя начальных классов и, после многолетних морских скитаний и работы в железнодорожном депо, стал преподавать в гимназиях Одессы и Лубн.

Но, прежде всего, Одесская громада помогла Андрею Михайловичу Бибику-Бобенко развить свой талант, укрепить свою творческую деятельность. За поэзией потянулась и проза. Молодого писателя замечает знаменитый украинский писатель Михайло Старицкий (стоит вспомнить его прекрасную песню «Ніч яка місячна...») и публикует в альманахе «Рада» рассказы «Бурлачка», «Лирник», стихи «Тщётные слёзы», «Мой конь запряжённый стоит у порога...» и другие). В 1890–1909 годах видные украинские и российские печатные издания Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, Харькова, Львова предоставляют свои страницы для одаренного автора. (Среди них – «Нива», «Зоря», «Аккорды», «Звонок», «Дело», «Век», «Украинская муза», «Вольная Украина», «По морю и суше», «Жизнь Юга», «Южные записки», «Литературно-научный вестник» и прочие.) А в 1913 году в Одессе издается и собственная книга Андрея Бобенко «Перевесло» («Переясло»), не обделенная благожелательными отзывами критиков. Писателю в ту пору было уже под шестьдесят. Почему же, спрашивается, так поздно появляется она, эта 96-страничная книга, вместившая в себя практически целую жизнь? Скорее всего, Бобенко отличался большой взыскательностью к своему творчеству и по своей природной скромности никогда не рвался в первые ряды. Это подтверждает и редакционная врезка в «Украинской музе» к подборке стихов А.М. Бобенко. Её составитель Олекса Коваленко, растроганный стихами Бобенко «По Италии», не может удержаться от живого восторга: «...Никакие напыщенные картины чужой природы не могут затмить поэту образ любимой Украины, и в Италии, где так безмерно хорошо, где «гранаты, пальмы зеленеют, блестят лимоны и цветы, а за садами, за лесами», где высокие горы вершинами спрятались за тучи, где «все утешается красою, повсюду рай», ему видится Украина. Всею душой рвётся он туда, где степи широки, где стоит отцовская хата, где ставочек, поросший ряской, в котором «полощутся утята, а здесь же, рядом, в бурьяне, пасутся гуси и гусята». Тяжко болит его сердце, «как перебравшись на чужбину, родную вспомнишь Украину, её ничто не заменит». Знать, заключает составитель, в них, то есть стихах, «не абы какой талант автора». Очень жаль только, продолжает он, что украинский самородок безо всяких причин не появляется в обществе и неизвестно где пребывает. Да, временами редакторы, было дело, поругивали своенравного Бобенко. Надо полагать, что у Андрея Михайловича, как и у всякого большого поэта, бывали нелегкие душевные состояния, одолевали сомнения и усталость, бывали периоды погружения в себя. Редакторы сетовали, кое-как выуживали его стихи – и тут же не могли удержаться оттого, чтобы не отметить глубину их содержания и хорошую форму. И было понятно, что эта внешняя непритязательность – результат огромной творческой работы, окрашенной любовью к слову и болью за свою родную Украину.

«Не абы какой талант автора», признавали и не только современные ему деятели Одесской громады, не только редакторы и издатели, но и потомки. Недаром стихи Бобенко включались в крупнейшие антологии украинской поэзии XX века. И ныне они востребованы. Кого-то привлекают чудесно выписанные картины природы:

Опять зима пришла без спроса.

Беловолосая зима.

*В блескучий снег, забыв про грозы,
Поля оделись и дома.*

*Дугою синей и свободной
Над нами небо разлеглось
И золотой слезой холодной,
Блистая, солнце налилось...*

Кого-то волнуют гражданские мотивы:

*Не раздобыть такого зелья,
Чтобы умыться на заре –
И позабыть родную землю
В ее печали и добре.*

У кого-то замирает душа от великолепной любовной лирики Бобенко:

*Я своей любимой
Ручки обцелую,
В чудо-черевички
Ноженьки обую,
Посажу на лавку.
Любоваться буду,
А прижму лишь к сердцу –
И весь свет забуду.*

Каждый находит в его поэзии самое сокровенное, самое близкое своему сердцу...

...1912, 1913... Для Бобенко это были вершинные годы, пора зрелости и мастерства. А дальше – сползание и мира, и сердца в бездну революций и войн. Неустроенность... Тяжелые предчувствия... Дорожные тяготы... До стихов ли было? А все-таки были они, стихи, были! Душа поэта и на пороге неизведанного плакала, дышала, верила в будущее:

*Сдаётся, скоро я покину
Всё, для чего любил и жил:
Семью, народ свой, Украину,
Всё, чем на сете дорожил.*

*А вам, друзья мои и дети,
Дарю я маленький завет:
Ищите правду вы по свету
Лишь в свете правда, в правде свет.*

Так почему же все-таки – Павловск?

Да разве так уж и важен этот вопрос?

Так распорядилась судьба. Так сложились пути. Именно так, а не иначе. И так случилось, что сто лет спустя жизнь привела меня к Андрею Михайловичу Бобенко. «Читателя найду в потомстве я», – в своё время радовался Боратынский. Андрей Бобенко нашел еще одного читателя и почитателя. А я нашел друга, подарившего мне много прекрасных минут. Но мне было бы намного радостней и легче на душе, если бы у Андрея Михайловича появились бы ещё друзья, – люди, неравнодушные к истории своего края, и на месте предполагаемого упокоения поэта появился гранитный камень, на отшлифованной стороне которого было выбито: «Здесь покоится прах известного украинского писателя и педагога Андрея Михайловича Бобенко». И – черты лица. И – годы рождения и смерти. Ну, на крайний случай появился хотя бы металлический крест с

табличкой. Пусть где-то громят, искореняют всё русское. А мы не поддадимся! А мы в ответ – памятный знак! Это пойдет только на пользу будущему. Такими малыми созидательными шажками проще и возможней достичь того, «Когда народы, распри позабыв, В великую семью соединятся»...
Хочется в это верить. Надо верить. А иначе жить нельзя.

СТИХОТВОРЕНИЯ А.М. БОБЕНКО

Перевод с украинского Сергея Луценко

АТАМАН

То не ветер одинокий стонет по долинам,
То не филин среди ночи плачет по руинам,
Не волна ревет, бушует под скалой беспечной,
Что, от горя отрешившись, дремлет вековечно;
То не чайка по-над степью вольная кигичет
И не ворон своих деток подкрепиться кличет;
День-деньской то в полный голос атаман взывает,
Он товарищей надёжных на страду скликает:
«Ну-ка, братцы, кому любы собственные хаты,
Кому лучше заработать, а не деть куда-то,
Коли руки не отсохли, ум не взялся тиной,
Кто не хочет свою хату превратить в руины,
Мать увидеть на морозе в латаной одежде,
Кому любя своя доля и своя надежда,
У кого живое сердце, кто бороться может,
Кому горько быть холопом, да и паном тоже, –
Ну-ка дружно за работу! Кто за серп, за косу!
Труд и долю, труд и волю, пользу труд приносит.
Ну-ка живо поглядите: нива высыхает,
Гнет к земле колосья ветер, зёрна выбивает.
Вон и туча налетает, гром и град приносит...
Берегитесь! Нищим станет тот, кто землю бросит!
Берегитесь, все по миру нынче не пустите,
Свою хату не гнобите, мать не сиротите.
Ну-ка живо, мои братья! И я вместе с вами
Самый тяжкий труд осилю этими руками».

Атаман не замолкает ни на миг единый,
Его голос раздаётся на всю Украину.
И всего-то с атаманом горсточка осталась:
Постояли, посидели, пошумели малость.
Атаман стоит, дивится: «Где же вы отстали?
Что работать не беретесь? От чего устали?»
А они в ответ ни слова молвить не сумели,
Засмущались и притихли, словно онемели.
Атаман заплакал тихо, голос оборвался...
Вытер слезы и за дело сам один принялся.

ПРИШЛА ЗИМА...

Опять зима пришла без спроса,
Беловолосая зима.
В блескучий снег, забыв про грозы,
Поля оделись и дома.

Дугою синей и свободной
Над нами небо разлеглось
И золотой слезой холодной,
Блестая, солнце налилось.

Не так глядит оно, как летом,
Невысоко оно стоит
И не таким всеильным светом
Его венок теперь горит.

Замолкла речка, отдыхая
В плену стеклянных одеял.
Спит под горой вода немая,
Не шелестит и чернотал.

Спят тополя, на страже стоя,
Камыш окутала дрема...
Всё засыпает поневоле,
Зачаровала всё зима.

* * *

Мой конь запряжённый стоит у порога
И землю копытом он роет...
Прощай же, мой край, видно, очень нескоро
Я снова увижусь с тобою.
Ты мне не родной, а тоска-то какая
Тебя мне сегодня покинуть:
Ты дал мне удачу и в злую годину
Не дал одинокому сгинуть.
Спасибо великое, край ты мой милый!
Я это вовек не забуду:
Пока надо мной озаряется небо,
Тебя вспоминать я всё буду.
Теперь уже осень, а скоро за нею
Зима хищным зверем завоюет,
И снегом холодным тебя на распутье
В нетопленной хате покроет;
И ты затоскуешь, заснёшь на морозе,
Закутавшись в драной холстине.
Прощай же! Мой конь обрывает поводья.
Пускай тебя Бог не покинет!

* * *

Тихо в роще стало:
Пташка замолчала;
Грустно стало в хате:
Милая пропала.
Не щебечет пташка:
Грустно – неохота.
Милая пропала:
День-деньской работа.
Я же все домую,
Чеботы все шью я,
С дратвою и шилом
День за днем сижую я.
Жду все, поджидаю:
Скоро ль будет дома?
Одному-то грустно
В хате молодому.
Милая вернется
Улыбнется, глядя,
Весело вдруг станет
На душе и в хате...
Я своей любимой
Ручки обцелую,
В чудо-черевички
Ноженьки обую,
Посажу на лавку.
Любоваться буду,
А прижму лишь к сердцу –
И весь свет забуду.

* * *

Взъярилось бурливое море,
И с ветром тоскует и воет;
Встревожилось сердце больное,
И бьётся, и стонет, и ноет.
Ничто не смиряет так море,
Как ясная, тихая сила, –
Ничто не смиряет так сердце,
Как ласка единственной, милой.
Затихнет и ветер, и море,
Лишь солнышко вдруг улыбнется,
Залечится жгучее горе,
Лишь милая к сердцу прижмётся.

УКРАИНЕ

Моя родная Украина,
Тебя свои не узнают...
Ты вся засохла, как былина,
Тебя лихие ветры бьют...
Убранство всё твое пропало,

Увяла вся твоя краса,
И от хворобы небывалой
Сечётся шёлкова коса;
И мальвы все позасыхали,
Те, что играли на устах,
И щеки бледные запали,
Погас огонь в твоих очах...
Как труп у вырытой могилы,
Сидишь ты молча над Днепром,
Тебе отчаянно обрыдло
Всё, что свершается кругом.
Ты закрываешь свои очи,
Забывать всё хочешь, зачеркнуть,
И под густым покровом ночи
В нирване вечной потонуть...

* * *

А мы, моё сердце, с тобою
Мужицкого честного роду,
И панской какой-нибудь крови
У нас нет и капли заводу.
Никто из всех предков безвестных
Не жил за чужими плечами,
Никто земляками своими
Не правил, как будто волами.
Те предки то с плугом, то с цепом
В труде свои дни проводили,
И хлеб добывали насущный,
Да панские глотки кормили;
Случалось, покинувши плуги,
С мечом и секирою в поле,
Как рыцари, славно боролись
И кровь проливали за волю.
Теперь они спят, притомившись,
На вечной постели могилы...
Никто не посмеет будить их –
Они себе сон заслужили!..

НАД МОГИЛОЙ КОТЛЯРЕВСКОГО

Мы долго и страшно боролись
За край наш, за веру, за волю...
Орлы клекотали над нами
И рыскали волки по полю...
Валилися трупы на трупы,
Червонели воды от крови,
И дым, словно адская туча,
Крыл поле, ложился в дуброве.
А ветер пел долгую песню
Так жалобно и безысходно:

Как ангел на древнем погосте,
Он плакал о доле народной.
Ему подпевала бандура,
И речью той звонко-кручинной
Вещала о рыцарской славе
И дружбы желала почина...
Бог видит: нам вражеской крови
И горя чужого не надо,
Мы только покоя искали
И только себе были рады...
Недавно минуло то горе,
И кровь не засохла в долинах,
И явор зеленый не вырос
На славных убогих руинах, –
А только бандура замолкла
И речи родной нет в помине,
Ведь рыцарей дети успели
Забыть всё великое ныне...

Но не может схорониться
Ни в поле, ни в море
То, чем Боже наделил нас
На счастье и горе.
Из руины Кобзарь встанет,
Настроит бандуру,
Запоёт он и разбудит
Сонную натуру.

* * *

Не стою я под липою
В вечернем дозоре,
Не слушаю, как с месяцем
Беседуют зори;
Не смотрю я, как солнышко
Утром выплывает
И вóлнами золотыми
Нивы поливает;
Не хожу я над речкою
По тёмной дуброве,
Не слушаю соловейка
И людского слова.
Меня лихо придавило,
Мне тоскливо всюду:
Моя доля отшатнулась,
Отшатнулись люди;
Месяц сгинул, и не греет
Солнышко, как прежде, –
Моё сердце покинула
Вера и надежда.

ТЩЕТНЫЕ СЛЕЗЫ

Расходится ветер над морем
И тучами солнышко кроет.
Широкое вспенилось море
И страшно лютует и воет.

Вздымаются чёрные горы,
Белеют их гребни высоко.
Как адские печи, клопочут
Провалы в пучине глубокой.

Над морем склонились понуро
Высокие голые скалы:
Над ними орлица летает,
Жильё свое ищет устало:

«Вот здесь, на утёсе высоком,
Гнездо я себе укрепила,
И вывела маленьких деток,
И разуму-правде учила.

Росли мои дети на воле,
Росли, да большими не стали:
Гнездо моё море размыло,
Детей моих волны забрали».

Летает орлица и плачет,
И слезы в волну проливает...
А море гуляет и воет,
И горя чужого не знает!

ПО ИТАЛИИ

...А море дремлет, не трепещет...
Над ним и вьётся, и блестит
Чуть видно дымка. Солнце блещет
И воду сонную златит...
На небе чисто, ни дождевки,
Под небом тихо, ветер спит,
Не колыхнется и травинка,
И деревце не зашумит...
Как бы невидимая сила
Повсюду чары разлила
И теми чарами так мило
На все дремоту навела...
По-над водой везде темнеют
Густые, пряные сады,
Гранаты, пальмы зеленеют,
Блестят лимоны и цветы...
А за садами, за лесами
Большие горы в ряд стоят,
Упёрлись в небеса кряжами

И так на солнышке горят!
Всё утешается красою.
Повсюду рай... И только мне
Нет ни удачи, ни покоя
В блаженной этой стороне.
И мыслью далеко лечу я
Туда где милый край лежит,
На Украину, в степь родную...
Там хата отчая стоит.
Там, где сплелись деревьев ветки,
Ставочек ряскою зарос
И остов мельницы, столь ветхий,
Стоит на гребле без колёс;
В ставке полощутся утята
И здесь же, рядом, в бурьяне
Пасутся гуси и гусята
И кони малость в стороне...
А дальше, дальше – гай чернеет.
Под гаем, ровный и густой,
Колышется и бодро зреет
Простор пшеницы золотой;
А дальше – степь, как будто море...
Курган в степи устало спит,
Не затевает с ветром споры.
Забыл он речи... Прошумит
Полночный ветер и покличет –
И тут ковыль вдруг заблестит,
Как волос шёлковый девичий...
О, Боже! Сердце заболит,
Как, перебравшись на чужбину.
Родную вспомнишь Украину!
Её ничто не заменит.
Не раздобыть такого зелья,
Чтобы умыться на заре –
И позабыть родную землю
В её печали и добре.

ЗАВЕТ

Сдаётся, скоро я покину
Всё, для чего любил и жил:
Семью, народ свой, Украину,
Всё, чем на сете дорожил.

А вам, друзья мои и дети,
Дарю я маленький завет:
Ищите правду вы по свету
Лишь в свете правда, в правде свет.

